

Дмитрий Воздвиженский

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОШКИ БОНИ

Дмитрий Воздвиженский

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОШКИ БОНИ

«Автор»

2026

Воздвиженский Д.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОШКИ БОНИ / Д. Воздвиженский —
«Автор», 2026**

«Приключения кошки Бони» - это сказочная повесть для взрослых, которые немного остались детьми, и для детей, которые уже почти стали взрослыми. Она должна понравиться тем, кто любит котов и кошек и понимает, что это самые умные существа на свете, хотя и со своими странностями. Это увлекательная фантастическая история борьбы добра со злом, в которой добро, конечно же, побеждает, главным образом, благодаря британской кошке Боне и ее друзьям Шурочке и Диме. Автор книги – тележурналист и путешественник Дмитрий Воздвиженский, на счету которого сотни репортажей и статей из множества самых отдаленных уголков нашей планеты. Кошка Боня – это самая настоящая, реально существующая кошка, с которой вполне могло произойти все описанное, если не относиться ко всему слишком серьезно и при определенных обстоятельствах, конечно. Ведь кошки это удивительные создания. Никогда нельзя точно понять, что у них на уме.

© Воздвиженский Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Воздвиженский

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОШКИ БОНИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОШКИ БОНИ

Кошке любимой моей жены посвящается.

– Ма-ам! Ну пусть Бонька погуляет! – в двести сорок первый раз протянула девочка лет семи с вьющимися белыми волосами. На коленях она держала огромную клетку зеленого цвета. Сквозь пластмассовые прутья было хорошо видно, как внутри беспокойно озиралась серая кошка с желтыми глазами. Она вертела большой головой и выворачивала уши наизнанку при малейшем шорохе.

– Шурочка, – также в двести сорок первый раз ответила мама. – Боня не может погулять. Котам в самолетах гулять не положено. Вот долетим до Египта, тогда и погуляем все вместе. Вообще-то, это была не самая хорошая идея – Боню с собой в отпуск взять.

На Шурочку мамины слова не произвели никакого впечатления.

– Ма-ам! Ну пусть Боня погуляет! Она же устала! Мы уже три часа едем, – только прозвучало в ответ. Но и мама опять, не думая, уже три часа отвечала одно и то же.

– Какая несправедливость, – думала Шурочка.

– Все люди как люди, едят, гуляют, а коты-то чем хуже. Им тоже порезвиться хочется. Правда, Бонечка, ведь ты устала? – обратилась она к кошке.

– Еще как, – обиженно надулась та в ответ.

– Знаешь, как тяжело здесь сидеть? Маму бы твою сюда засунуть. Вот тогда бы и посмотрели, что она скажет...

– Боня, – жалостливо прошептала Шурочка, обняв клетку, – ну не можем мы тебя выпустить. Видишь – эта толстая противная стюардесса, похожая на тумбочку, будет ругаться. Она и так нас не хотела пускать.

Шароподобная стюардесса, затянутая в синюю форму, словно понимая, что речь идет о ней, подозрительно покосилась на Шурочку.

– Да, понятно все, всегда с котами так обращаются, – пробурчала Боня. Коты, ясное дело, – существа второго сорта. Ну, смотри, захочешь еще со мной поиграть.

Шурочка опасливо взглянула на маму, которая после сытного обеда слегка задремала в узком кресле. Папа чуть ранее, прихватив газету, с загадочным видом удалился в туалет. И девочка решила, что сейчас самое подходящее время устроить коту небольшую прогулку. Она наклонилась к клетке и, прижавшись к ней почти вплотную, прошептала: «Ну ладно, Боня, а если я тебя выпущу, ты обещаешь себя хорошо вести?»

– Конечно, о чем разговор, – радостно закивала кошка, прижимая уши к голове, – ну давай же быстрее, открывай! Лапы совсем затекли.

Шурочка отодвинула задвижку и распахнула дверцу. Кошка радостно выскочила в проход, как раз под ноги стюардессе, катившей вдоль кресел высокую тележку.

– Откуда здесь взялась эта пакость? – грозно закричала бортпроводница, резко наклонившись к ничего не подозревавшей кошке. В этот момент самолет внезапно провалился в воздушную яму – стюардесса споткнулась, а Боня, припав на четыре лапы и обернувшись на крик, увидела к своему ужасу стремительно летевшее прямо на нее бесформенное тело, вслед за которым, громяхая, неслась тележка. Подносы, закуски и пластиковые стаканчики с напитками удивительным образом разлетелись с нее во все стороны. Томатный сок яркими брызгами пролился по рядам, метко попадая кому на костюм, кому на платье, кому на лысину, а кому-то и за шиворот.

Шурочка закрыла глаза от ужаса, а ее старший братец Дима помирал со смеху, глядя на все это безобразие. Стюардесса, наконец, приземлилась в проходе в том самом месте, где еще мгновение назад сидела Боня. И в эту же секунду пассажирам показалось, что по салону пролетела серебряная молния. Это обезумевшая от страха кошка, еле увернувшаяся от тучного тела, сверкая пятками, пронеслась в сторону кабины экипажа.

Командир самолета очень гордился своей черной формой с большими золотыми пуговицами и погонами с полосками. Правда, сейчас со стаканом горячего кофе в одной руке и сосиской на вилке в другой он совсем не был похож на нарисованный им давным-давно портрет настоящего воздушного капитана. Еще меньше он стал похож на него через пару мгновений, когда сквозь открытую дверцу в кабину ворвалась безумная кошка с горящими глазами. Пилот терпеть не мог кошек и с грозным криком «кто пустил сюда эту дрянь» попытался пнуть ее отлакированным до металлического блеска ботинком.

– Это я дрянь, – взвизгнула Боня и, взлетев по приборной панели, прыгнула капитану прямо на грудь. Кнопки, кнопочки и рычажочки заплясали под кошачьими лапами. В самолете замигали разноцветные лапочки, запылал противный сигнал, а командир, поперхнувшись недожеванной сосиской, вылил весь кофе на свой элегантный мундир.

– Проклятье! – заорал он. – Уберите эту гадость! Во что она превратила мою форму? Хватайте ее быстрее!

В это время пролитый кофе пропитал насквозь толстую материю. Она, как обжигающий горчичник, приклеилась к пилотским ногам. Капитан забыл про форму и завопил теперь уже от боли. Второй пилот, казалось, тоже совсем забыл об управлении самолетом. Он бросил штурвал и попытался схватить кошку, которая, спрыгнув с капитана, забралась обратно на пульт управления. В зубах она держала командирскую сосиску и по всем признакам была настроена очень решительно. «Мало того, что три часа в ящике держат и есть не дают, – пронеслось в кошачьей голове, – так еще и ногами пинают, вещами тяжелыми кидаются, да еще дрянью и гадостью обзывают. Ну, погодите, покажу я вам всем где раки зимуют. Получите вы у меня свой Египет!» Кошачьи усы нервно задрожали от переполнявшего ее праведного гнева, уши вращались словно локаторы, а зрачки напряженно сузились.

– Да уберите вы ее с пульта, – опять завопил капитан.

– Кик-кис-кис, кошечка, – изображая само очарование, нерешительно пробормотала стюардесса, – иди ко мне, киска.

Было видно, что ей уже не очень хочется подходить к разъяренному зверю.

– Ага, с-сейчас-с, подош-щла, как ж-же, – злобно зашипела Боня, не выпуская при этом изо рта кусок сосиски и нажимая первые попавшиеся под лапы кнопки. В кабине что-то пронзительно пиликало, мигало и жужжало.

– Да это же форменный терроризм! – взорвался капитан.

– Я не потерплю, чтобы какая-то драная кошка захватила мой самолет!

С этими словами он бросился в атаку. Лучше бы он этого не делал. Его беспардонное поведение окончательно вывело из себя милую домашнюю кошку. На следующие пять минут пилотская кабина превратилась в арену сражения между серым ураганом, ловко орудовавшим когтями, и экипажем в составе капитана, второго пилота и стюардессы. Силы были явно не равны и явно не в пользу команды аэроплана. Из-за плотно закрытой двери доносились дикие крики, вопли, мяуканье и треск разрываемой одежды. Самолет резко бросало из стороны в сторону, выла сирена, пассажиры нервно пристегивались ремнями и прислушивались.

Наконец, все стихло, дверь открылась, и в салоне появился некогда элегантный и уверенный в себе командир. Хотя сейчас он таким совсем не выглядел. Лицо и руки его были расцарапаны в кровь, рубашка разорвана, а мундир и галстук вымазаны кофе и кетчупом. В волосах застряли остатки картофельного пюре, а брюки носили следы кошачьих когтей. За ними появились второй пилот и стюардесса, и смотрелись они не намного лучше. За ними в

глубине кабины на кресле победоносно сидела всклокоченная, но довольная собой британская голубая кошка.

– Дамы и господа, – вяло обратился командор к пассажирам, – чье-то ужасно дикое животное захватило наш самолет. Хозяева этой твари, будьте добры помогите очистить кабину от этого дьявола! Мы не можем управлять машиной.

Шурочка как ни в чем не бывало сидела на своем месте, преспокойно пила газировку и разглядывала облака за окном. В салоне повисла пауза. Дима не выдержал, вскочил с кресла и со всех ног побежал в кабину.

– Ну, Котавр! Ты тут и устроил! – воскликнул он, увидев в кабине полный бардак и свою валяжную кошку, которая с довольным видом разлеглась на отвоеванном в честном бою кресле. Причем в лапах она продолжала держать вожаденную сосиску.

Увидев Диму, кошка слегка поменялась в лице и даже сразу как-то обмякла.

– Да ничего я не делала! Они сами первые начали! Все они – на хвост наступили, водой облили, сосиску отнять хотели, – ответила она.

– Ну-ка, Бончик, быстро пошли на место. А то я тебе сейчас мигом уши надеру. Ничего себе, нашла, где поразмяться – в кабине пилотов. Пилоты должны управлять самолетом. Или ты думаешь, что они тут только сосиски трескают? Ты же не хочешь, чтобы мы все разбились?

– Да нет, конечно, пойдем, Димочка, ну очень уж они меня разозлили, эти гады, еще дрянью обозвали! Разве я похожа на дрянью? Я такая красивая, добропорядочная и умная британская аристократическая кошка... Какие невоспитанные люди, особенно эта гадкая стюардесса. Ну просто настоящая крыса!

Дима подошел к пульту, решительно взял Боню за шиворот и крепко прижал к груди. Когда Дима вышел из кабины, держа повисшего, как мешок, кота, пилоты в ужасе отшатнулись от них. Пассажиры опасливо глядели на возмутительницу спокойствия, которая теперь нежно терлась носом в ухо своего хозяина. Всем своим видом Боня излучала миролюбие и покой. Никто даже и поверить не мог, что весь шум приключился из-за такого очаровательного ангелочка. Капитан устало, даже как-то нехотя вернулся на свое место, пытаясь по возможности привести в порядок остатки формы.

Мальчик подошел к маме и Шурочке, открыл клетку и запустил туда своего любимого кота. Боня запрыгнула внутрь, огляделась по сторонам и грациозно свернулась клубочком на своей любимой цветастой подстилке, подмигнула Шурке и довольно заурчала.

Тут неожиданно, широко улыбаясь, появился папа. Все это время он провел в запертом туалете. Он уже давно собирался покурить, но никак не решался. И вот стоило ему, запершись в сортире, приступить к делу, как сразу завывли сирены, а снаружи стали доноситься очень подозрительные звуки. Папа, естественно, решил, что это сработали датчики пожарной сигнализации, среагировав на дым от его сигареты. Но время шло, и все вроде успокоилось. Тогда он осторожно приоткрыл дверь, выбрался наружу и пошел на свое место. Ага, вот восемнадцатый ряд, вся семья в сборе, просто идиллическая картина: Мама, Шурочка, Дима и Бонюсик.

– А вы не знаете, что случилось с самолетом? – радостно поинтересовался папа.

Тут вдруг оживило самолетное радио: «Дамы и господа! Говорит командир корабля. К сожалению, мы вынуждены прервать наш недолгий полет в Хургаду по техническим причинам. Поблагодарим все семейство Кошкиных и их ненормальную кошку. Мы возвращаемся в Москву. Аэропорт Домодедово. Посадка через час».

Папа растерянно окинул взглядом мирно сидящее семейство Кошкиных. Мама мило улыбнулась ему в ответ и окатила Шурочку ледяным взглядом. От таких взглядов обычно мурашки начинают бегать по телу. Но девочка только сильнее вжалась в кресло и, соорудив невинное личико, звонко и уверенно проговорила: «Мам, а мы ничего не делали!»

– И кто все-таки кота выпустил? – захлопнув дверцу такси и плюхнувшись на скрипучее сиденье, грозно спросил папа.

– Да никто его не выпускал, – огрызнулась Шурочка, – он сам вылез. Кот у нас такой верткий. Дверь открыл лапой и все. А там эта стюардесса ему на хвост наступила. Вот он и испугался. При слове «кот» Боня нервно заерзала в клетке. По всему было видно, что ей не очень нравится повышенное внимание, которое в последние часы было уделено ее кошачьей персоне: «Кот-кот, как какие гадости происходят, так сразу кот. Уже три года как кот. Сколько натерпелась я от них за это время, кошмар!»

– Кот – животное глупое, – глубокомысленно заключила мама, – он дверь сам открыть не может! Это каждому понятно. Шурочка, скажи честно, ведь это ты его выпустила?

– Ну, мам, вышел кот погулять, подумаешь, а зачем они его ногами пинали?

«Во-во, – подумала Боня, – иногда эта девчонка говорит здравые вещи, жаль только редко!»

– Да, конечно, ничего страшного, – сразу подхватил папа, – вышел, погулял, изгадил все, покaleчил пол-экипажа, захватил самолет, сорвал всем отпуск, в общем, порезвился слегка.

– А как мы теперь в Египет попадем? – неожиданно спросил молчавший все это время Дима.

– Да вот никак, – пробурчал папа, – не будет никакого Египта. Все улетят через пару часов, когда пилоты в себя придут. А нам сразу сказали, что с этим чудовищем нас и близко теперь к самолету не подпустят. Так что все поедут на дачу.

– Ну и ладно, – Шурочка надула губы, – и не нужен нам никакой Египет.

– Ты знаешь, Шурка, в чем главная проблема нашего кота? – заговорщическим тоном обратился Дима к своей младшей сестре. Родителей не было дома, и он решил, что настал самый подходящий момент обсудить происшествие в самолете. Кот довольно лежал в кресле, даже не подозревая, что над его головой нависла серьезная угроза со стороны неугомонных детей. А те уже всю обсуждали, как можно было избежать таких крупных неприятностей.

– Понимаешь, – говорил Дима, – наш кот не застрахован на гражданскую ответственность!

– Понимаю, – отвечала Шура, – а что это такое?

– Ну, как же ты не знаешь, гражданская ответственность – это, ну, она теперь у всех есть. Я слышал, как папа о ней рассказывал. У него и бумаги уже есть нужные. На столе лежат. Там такой талончик с цифрами. Его на стекло машины нужно клеить, а потом можно въезжать в кого угодно, и тебе ничего не будет. Страховая компания все заплатит. Не понравилась тебе какая-нибудь машина на улице – бах – и все нормально.

– Даже если это депутат народный? – усомнилась Шурочка. Она знала, что этих людей водители особенно не любят, потому что у них машинки все сплошь с особыми номерами, и они всем ездить мешают по улицам. Папа говорил, что у них работа такая – пробки делать. Шурочка видела народных депутатов по телевизору и совсем не была уверена, что если наехать на таких страшных дяденек, то поможет какая-то сомнительная бумажка с цифрами, но на всякий случай согласилась.

– А как же нам сделать нашему коту гражданскую ответственность? – поинтересовалась она.

– Да очень просто! Слушай внимательно.

Боня, лежавшая до этого в кресле довольно спокойно, начала явно нервничать. До нее доносился сдавленный шепот, в котором то и дело проскакивало слово «кот». И это ей совсем не нравилось. Она начала беспокойно озираться, думая, куда бы свалить с глаз подальше, но в голову ей ничего не приходило. Она уже много лет пыталась разрешить эту проблему, но, увы! Бежать в типовой московской трехкомнатной квартире было некуда. Она и сама прекрасно это

знала. Оставалось надеяться, что ее не заметят. Но тут перед ней как посланник кошачьего ада появилась сияющая Шурочка.

– Какой у нас хороший котик! – зашепелявила она, – иди ко мне, мой замечательныйкотаус!

– Заметили! – ужаснулась Боня, попытавшись всеми четырьмя лапами вцепиться в обивку кресла. Но этот номер у нее не прошел. Шура ловко подцепила кота под пузо двумя руками и резко потянула на себя. На какое-то мгновение показалось, что кот поднимается в воздух вместе с креслом, но потом раздался треск рвущихся ниток, и кресло без кота вернулось на место. На серой матерчатой обивке там, где еще недавно лежали кошачьи лапы, остались глубокие рваные следы. Судя по всему, эту процедуру с Боней проделывали по много раз на дню. Боня изо всех сил крутила головой из стороны в сторону, пытаясь понять, что ждет ее на этот раз и на сколько сильно это угрожает ее драгоценной котовской жизни.

В это время Дима быстро сбегал в коридор и достал из пачки лежащих на столике документов заветный желтый талон с цифрами.

– Держи ему голову, чтобы он не крутил ею, а то криво получится, – деловито распорядился он. Сейчас все сделаем быстренько, и нас тогда снова пустят в самолет. Дима отклеил белую пленку с талона и аккуратно прикрепил его коту на голову прямо между ушами. А чтобы бумажка не отклеилась случайно, он еще несколько раз плотно придавил ее ладонью.

– Ну вот, теперь совсем другое дело! У нашего кота теперь есть гражданская ответственность! – радостно заметил он.

– Да не нужна мне никакая ответственность, – жалобно заверещала Боня, пытаясь вырваться из шуриных рук, – отстаньте вы от меня!

– Сейчас, Бонечка, отстанем, – нежно проговорила девочка, – тебе же лучше будет. Она выпустила кота, и он как ошпаренный, смешно скользя лапами по паркету, скрылся в спальне.

– Ну вот, нормально, – довольно заметил Дима, – я думаю, главное, что теперь у кота есть гражданская ответственность, а все остальное ерунда! Наш кот теперь тоже гражданин. Нужно только его в бумаги вписать, и все будет замечательно.

Дима покопался в документах и нашел вчетверо сложенную синюшную бумагу с надписью «страховой полис» наверху. Шурочка быстренько принесла шариковую ручку, и затем в первой же графе «страхователь», зачеркнув все остальное, старательно вывела: Кот Бонни Блю Флауер. Потом для надежности они решили нарисовать внизу кошачий портрет в фас и в профиль.

– Ну вот, – радостно проговорил Дима, – теперь совсем другое дело. Осталось только подписать. Тащи кота.

– А он же не умеет, – удивилась Шурочка.

– Ничего, поставит отпечаток лапы!

– Класс! – Шурочка ненадолго исчезла в спальне. Оттуда послышалась негромкая возня и отчаянное мяуканье: «Ну, застраховали вы меня уже, чего еще вам от меня надо!»

– Как чего?! – удивилась Шурочка, бесцеремонно вытягивая кота из-под кровати за хвост – Отпечаток лапы нужно поставить! Она подтащила упавшего кота к брату.

Дима взял маленькую баночку с синей гуашью, налил туда воды, размешал хорошенько и макнул в нее бонину правую переднюю лапу. После чего сделал несколько выразительных отпечатков на страховом полисе.

– Ну вот, теперь полный порядок!

Сверкая синей пяткой, кот опять скрылся в спальне.

Первое, что увидели родители, когда вошли в квартиру, были четкие синие следы, которые вели из коридора прямо в спальню. Не требовалось быть первоклассным следопы-

том, чтобы понять, что они принадлежат коту. С недобрый предчувствием мама заглянула в спальню и сразу отпрянула назад, чуть не сбив с ног идущего за ней папу.

– О, Боже! – простонала она. – Это же дорогое испанское покрывало! Зачем вы вымазали кота краской?

Папа решил-таки заглянуть в спальню. Он просунул голову в дверной проем и затем громко расхохотался. Его взору предстала почти идиллическая картина. На кровати, покрытой белым бархатным покрывалом, мирно дремал сине-серый кот. Вернее, это раньше покрывало было белым, а теперь оно стало пятнистым, с легким голубоватым оттенком. Кошачьи следы вели прямо на кровать, продолжались на покрывале до центра и терялись в большой впадине, похожей на расплывчатую кляксу. Боня долго пыталась оттереться от краски, но в результате, перепачкалась по самые уши, вымазав при этом заодно и все покрывало.

– Бедная Боня! Зачем же эти изверги тебя покрасили?

Кот, услышав свое имя, открыл глаза и мгновенно вспомнил все, что с ним приключилось за последние часы. Мама взяла Боню на руки. Сонная кошка немедленно попытался потереться о маму, но неудачно, потому что та, чтобы не испачкаться, держала ее перед собой на вытянутых руках.

– Мам, да мы ничего не делали, она сама в гуашь вляпалась. Она такая у нас любопытная. Открыла банку зубами и все, мы и не видели ничего!

– Вы понимаете, что она может теперь отравиться. Вон как навывлизывалась. Вся морда синяя. Теперь понос будет.

– Ага! – радостно закивал Дима. – Синий понос – это круто!

– Да все со мной нормально, – попыталась встрять в разговор Боня, – очень вкусно было, так что не беспокойтесь. Кстати, а не пора ли нам чего-нибудь перекусить. Одной гуашью, знаете, сыт не будешь.

– А может нам его всего в синий цвет покрасить, – вступил в разговор папа. – Будет у нас новая экзотическая порода – британский синий кот. Голубых много, а синий только у нас будет!

– Вот только умничать не надо тут, – развернулась к нему мама. – Значит так, сначала все стирают кота, потом Шура с Димой стирают покрывало, пока я готовлю ужин, а потом все ужинают. Все понятно?

– Это как это стирают кота?! – Боня энергично захлопала лапами по воздуху, растопырив когти. А глаза ее стали похожи на два сияющих шарика от пинг-понга. – Это водой, что ли? Мы так не договаривались. Я и так уже умывалась сегодня. А еще доброй прикидывалась!

– Кстати, – тут мама обратила внимание на странную бумажку, которая висела у кота на лбу, – а это еще что такое?

Мама попробовала отлепить ее от кошачьей шерсти, но не смогла. Она безуспешно провозилась минут пять, но талон так хорошо приклеился, что оторвать его не было никакой возможности.

– Придется выстригать, – мама явно начала терять терпение. – Дима, дай ножницы.

– Ура! – Шурочка захлопала в ладоши. – У нашего котика будет новая прическа – вот здорово! Давайте я его за уши подержу пока.

Кот злобно скосил глаза на смеющуюся девочку, но сделать ничего не мог. Она крепко схватила его за уши, от чего выражение бониного лица приобрело легкий китайский оттенок. Ловко орудуя ножницами, мама отстригла куски клейкой бумаги и свалывшуюся шерсть. Потом подравнила стрижку вокруг ушей и, критически оценив результат своей работы, произнесла: «Бывало и лучше, конечно, но что делать. А теперь быстро в ванную».

Сначала Боня делала робкие попытки вырваться, но потом перестала. Она по опыту знала, что из цепких детских рук так просто не уйдешь. Одной рукой Шура крепко держала ее за шиворот, а другой нежно придерживала за спину, чтобы в случае чего избежать ненужной

возни. Дима деловито вертел краны, регулируя напор и температуру воды, а кошка тем временем стала жалобно подвывать: «Ну что вам надо-то от меня опять? Сначала намазали гадостью какой-то... потом покрасили... прическу испортили... теперь водой облить собираетесь, ну сколько можно издеваться над котом? А? Я кого спрашиваю? Чего молчим?»

– Ух ты, мой хороший котик! Боня! Боня! Бонюся! Ну не надо так переживать. Не облить, а помыть. Будешь ты у нас чистый и красивый, просто загляденье, – нараспев проговорила Шура, пританцовывая от нетерпения.

– Ага, а сейчас я вроде как уродина! Да? – раздраженно проговорила кошка. – А все по вашей милости, до чего меня довели!

– Да нет, конечно, просто ты немного испачкалась, видела, как мама ругалась за покрывало. Чего тебя на него понесло? Сидела бы себе спокойно под кроватью, так нет же – покрывало белое ей подавай!

– Нет! Ну вы видели, – почти взвизгнула Боня, – ясное дело: кот – существо второго сорта! Все на кровати, а он – под, все за столом, а он – на паркете, все сосиски лопают, а мне консервы мерзкие накладывают и корм сухой. Да у меня от этого изжога. Достали вы меня уже со своими полуфабрикатами!

– Боня, ну с чего ты взяла, что мы сосиски едим? – удивленно спросила Шурочка, но вопрос остался без ответа, потому что ванна уже наполнилась до краев, и Дима заговорщицким шепотом прервал дискуссию: «Шурка! А ты помнишь, мы с тобой как-то спорили, умеют ли коты плавать?»

– Ясное дело – помню! – радостно откликнулась Шурочка. – Не умеют, конечно! Ты где-нибудь видел, как коты плавают? Нет! Они воды боятся до безумия, а все потому, что утонуть не хотят!

– Да ерунда все это, – авторитетно заявил Дима. Все они умеют прекрасно, только не любят, когда вода им в уши затекает. Вот и притворяются. Уши у них слишком большие, как воронки.

При этих словах Боня на всякий случай нервно поджала уши, чтобы они не казались такими уж большими, но это ей не помогло.

– А вот сейчас и проверим. Ванна у нас глубокая, до дна он лапами не достанет. Все сразу и будет ясно.

Шурочка слегка засомневалась: «А вдруг наш любимый котик захлебнется? Жалко все-таки».

– Сейчас заплачу от умиления, – влезла в разговор Боня, – какая заботливая нашлась!

– Не утонет – мы же рядом будем. Если он ко дну вдруг пойдет, то мы его сразу выловим и спасем. Но ты не бойся, я же тебе сто раз говорил – все коты отлично плавают, правда, Боня? Ты ведь умеешь плавать?

– Да умею, конечно, все я умею, только давайте не будем меня в воду макать! – разезжаясь лапами по кафельной плитке, проверещала Боня.

– А вот Шурка не верит, – ловко перехватывая кошку из рук сестры, проговорил Дима. – Эксперимент номер один – проверяем кота на плавучесть. И смотри, кот, не дергайся – тебе же хуже будет, если плюхнешься в ванну с большой высоты. А так мы просто посмотрим, как ты плаваешь, и все.

Боня уже поняла, что купания ей сегодня не избежать, а потому перестала сопротивляться и с ненавистью смотрела на приближающуюся к ней воду. Держа кошку одной рукой за загривок, Дима аккуратно стал опускать ее в ванну. Приняв это как неизбежное, Боня только приподняла голову, когда уровень дошел ей до подбородка. Дима отпустил кошачью шерсть и застыл в ожидании. Прошло несколько секунд, а кошка зависла в воде, словно в невесомости. Она не барахталась, не плевалась, не гребла и не била лапами, не дергала хвостом, она ничего не делала, просто застыла в воде, как поплавок.

– Вот это да! – восхитился Дима, – даже я такого не ожидал. Ты только посмотри – он же висит сам по себе, даже усилий никаких не прилагает. Вот бы мне так! Круто!

Шура тоже изумленно смотрела на Боню, которая только злобно вращала глазами, пытаясь понять, сколько времени ей еще предстоит принимать ванну.

– Интересно, – разочарованно протянула Шура. – А что же они все тогда прикидываются?

– А вот и не все, я по телевизору видел: есть такой кот специальный, называется камышовый. Так он только в болотах и живет, среди камышей. Большую часть дня в воде проводит, рыбу там ловит или лягушек, плещется помногу часов подряд. Так что там вот и говорили, что все коты неплохо плавают.

– Мало ли на свете ненормальных! – отфыркиваясь, хрипло произнесла Боня. Судя по всему, ей было не очень удобно одновременно говорить и сохранять плавучесть, но стерпеть такое ужасное сравнение она не могла. – Я же все-таки добропорядочная домашняя кошка, а не дрянь болотная! Ну вы сравнили! Да этого кота так называемого среди нас никто за кота признавать не хочет. Он просто позорит это гордое имя, тоже мне – кот нашелся! Скользкий бобер – вот кто ваш камышовый кот по сути!

– Да не кипятись ты, Боня, никто тебя с ним не сравнивает, – сказал Дима, осторожно доставая Боню из ванны. – Сейчас мы тебе шею намылим и...

– Да знаю я, что вы делать будете, – перебила его кошка. – Шампунь этот вонючий против блох, потом фен жужжучий, а потом в полотенце завернете. Нужно мне все это, как же!

Тут дверь в ванную открылась. И на пороге появилась озабоченная мама: «Дети, а что вы так долго тут с котом делаете?»

– Да ничего мы с ним не делаем, – звонко проговорила Шурочка, – купаем, а заодно эксперименты научные проводим.

– Что еще за эксперименты? – нахмурилась мама.

– Да ничего страшного, – подхватил Дима, – мы тут выяснили, что наш кот обладает положительной плавучестью!

– Между прочим, мой прадедусшка был родом из Германии, – гордо заявила Боня, сидевшая на спинке кухонного дивана. Внешний вид ее, правда, не совсем соответствовал важности заявления. Она еще не успела как следует высохнуть, и слипшаяся шерсть местами напоминала иглы дикобраза. Кроме того, кошка уже успела слазить под кресло, где собрала всю пыль, которая теперь свисала с нее большими клочьями.

– Да что ты говоришь, курица наша мокрая, – весело отозвался папа, ловко орудуя вилкой. После тяжелого дня вся семья как раз собралась на кухне за ужином.

– Да, да, ничего смешного, прошу уважительно ко мне относиться! А дальние родственники по материнской линии, чтобы вы не забывали, происходят из рода священных кошек Древнего Египта!

Боня гордо подняла голову и окинула всех снисходительным взглядом.

При слове «Египет» мама чуть не подавилась картошкой. Она еще очень хорошо помнила все, что ей сказали в аэропорту после экстренной посадки самолета.

– Вот только про Египет не надо мне ничего говорить. У меня, знаешь ли, после сегодняшнего приключения надолго отпала охота знакомиться с твоими несчастными родственниками! К тому же я думаю, что они все-таки из Британии, раз ты у нас британская голубая.

– Это почему это они вдруг несчастные? – оскорбилась Боня. Да Египет – это величайшая страна на свете. Это настоящий земной рай. Вот где к котам относятся с должным уважением. Живут они только в храмах, холят их и лелеют, кормят целый день сосисками и не макают почем зря в эту вашу воду любимую. Жалко все-таки, что мы не попали в Египет. Там бы вам быстро объяснили, что к чему!

– Это кто бы говорил! – окончательно теряя терпение, воскликнула мама. Да тебя, Бонни Блю Флауер, следовало бы наказать серьезно за то, что ты учинила сегодня, а она все про воду твердит. По твоей милости на даче теперь опять сидеть. Вода ей не нравится!

– Да я после нее полчаса отмыться не могла, вся провоняла хлоркой. Четыре раза пришлось вылизаться с ног до головы! Хоть бы сыру дали, если сосисок жалко!

– Ничего нам не жалко для тебя, – проговорила Шурочка, отламывая кусочек котлеты, – возьми, зайчика ты моя. С этими словами Шура положила его у Бони перед носом.

– Сама ты зайчика, – презрительно отозвалась кошка, – и не надо только мне одолжение делать. Проверить еще надо тщательно, что вы мне тут даете, а то я вас знаю, все норовите отравить меня гадостью какой-нибудь. Быстренько обнюхав отлету, Боня с явным удовольствием ее съела. Потом посмотрела на Шурочку и снисходительно произнесла: «Ну ладно, так и быть, давай еще!»

– Так бы сразу, а то разговоров-то, – Шурочка отломала еще один кусочек, – на, держи, наш младшенький.

Ей очень нравилось, что она не самая маленькая в семье. Но вопрос был спорный. Возраст был предметом долгих и безрезультатных дискуссий.

– Я, прошу заметить, – нервно заявила Боня, роняя изо рта кусочки мяса на диван, – я старше вас всех! Мне по кошачьему летоисчислению уже двадцать один год. У нас год за семь идет в таких условиях! Так что вы все без исключения должны меня слушаться и уважать.

– Понимаешь ли, Боня, – философски заметил папа, – ты свою демагогию брось! Ты сама себе еду приготовить не можешь? Нет! Значит, будешь слушаться нас, как шелковая, а то без еды останешься и не так еще запоешь!

– Вот в этом-то вся проблема, – задумчиво проговорила кошка, мечтательно глядя на холодильник, – только потому и приходится все это от вас терпеть. Не могу я сама открыть этот волшебный ящик с едой. И откуда она там берется? Ума не приложу!

Утро началось со скандала. Шурочка с Димой ловили кота, который, почувствовав, что в его жизни опять назревают серьезные перемены, попробовал скрыться под ванной. После того, как его выгнали оттуда при помощи швабры, он попытался залезть на карниз в гостиной прямо по занавескам. Но все пошло не так, он не удержался и свалился аккуратно на подоконник с фиалками, опрокинув несколько цветочных горшков. Пока мама собирала разлетевшуюся по комнате землю, Шура крепко держала подвывавшего кота, который окончательно уверился в мысли, что его хотят выбросить на помойку.

– Вот и кончилась моя беззаботная жизнь! Что я вам плохого сделала, что вы меня выбросить решили? Вот так вдруг, ни с того, ни с сего – ра-аз и на помойку! И не стыдно вам так обращаться с милейшей домашней кошкой – ласковой и пушистой?

Шура гладила Боню по голове и пыталась, как могла, ее успокоить: «Ну не плачь ты, катарака дурацкая! Никто тебя никуда не выбрасывает. Мы просто на дачу едем. Видишь – вещи уже собрали, сейчас сядем все в машину и поедем».

– Никакая я тебе не катарака. Это в Болгарии катараки, а я бедная несчастная кошка, которую жестокие люди хотят выбросить из дома!

– Прекрати гуньдеть, Боня, – грозно произнес папа, пытаясь внести свою лепту в наведение порядка в доме, – мы просто едем на дачу.

– Да врете вы все, – продолжала причитать Боня. – Не хочу я никакую дачу. Мне и здесь хорошо.

Тут в разговор вмешался братец Дима, которому уже изрядно надоели кошачьи вопли: «Да, Бонечка, точно – точно, они тебе просто не говорят. Нас так достали твои стоны, что мы решили выбросить тебя на свалку. Ты теперь будешь самый обыкновенный помоечный кот. Будешь жить под забором и питаться отбросами! А если ты немедленно не заткнешься, то мы

просто спустим тебя в мусоропровод, где живут огромные страшные крысы!» Кота от такой жизнерадостной перспективы просто передернуло, и он заорал еще громче.

– Дима, ну как тебе не стыдно! Видишь, Боня нервничает, а ты ей такие глупости говоришь, – не выдержала наконец мама. – Боня, он шутит, не верь ему, все будет хорошо!

– Как же, как же! Да он единственный, кто мне правду сказал! – продолжала завывать Боня.

– Спасибо, что не обманул в трудную минуту старого друга. Правда это, горькая правда! Ну и как вы потом в глаза друг другу будете смотреть? А? И не стыдно вам такое творить с бедным животным?

О том, что семья Кошкиных переезжает на дачу, узнал весь дом. Кота успокоить не удалось, и его вопли звучали без перерыва все время, пока родители переносили вещи из квартиры в лифт, запирали двери, выносили багаж из подъезда и грузили его в машину. Боня не умолкала ни на минуту, а люди, которые проходили мимо, даже стали требовать вызвать милицию, чтобы она прекратила это безобразие.

– Прекратите же мучить бедное животное! – говорил суровый дворник, размахивая тяжелой метлой.

– Да никто его не мучает, – криво улыбаясь, объясняла мама, – нервничает он просто, ездить на машинах очень не любит. Шурочка, покажи Боню. Видите, с ней все нормально, просто трусливая она у нас!

– А все-таки это кот или кошка? – заинтересовалась тем временем любопытная старушка с первого этажа. – Вы его то так называете, то эдак?

– Это, конечно, кошка, в физическом плане, – попыталась объяснить ситуацию мама, – но если смотреть на вещи в широком плане, то это, безусловно, кот! Так что можно и так, и так. Все правильно будет.

– А-аа... тогда понятно, – ничего не понимая, протянул бородатый дворник, который в душе тоже не любил кошек, – может, тогда ему просто по башке дать, чтобы не мешал людям жить?

– Да нет, спасибо, – садясь в машину, быстренько распрощалась со всеми мама, – мы как-нибудь сами разберемся, всего доброго.

Под непрекращавшиеся вопли Бони, которые иногда даже перекрывали шум работающего мотора, семейство Кошкиных отправилось на дачу.

– Мяу-у-у-у-у-у-у! – протяжно выла Боня, перебираясь с заднего сиденья на пол и потом обратно.

– Ну, Бонюша, – устало говорила мама, – видишь, мы уже на дачу почти приехали, сейчас будешь по травке гулять, с бочками играть, замолчи, пожалуйста.

– Ага! Как же – поверила я вам. Все бдительность мою пытаетесь усыпить, подальше от дома увозите, чтобы я дорогу назад не нашла, знаю я вас! Мяу-у-у-у-у-у!

– Ну хоть кто-нибудь может заткнуть ее, – нервно вцепившись в руль говорил папа, – не могу я спокойно ехать, когда здесь над ухом такое творится. Она уже целый час без перерыва орет. Дима, сделай хоть ты что-нибудь, она тебя слушается иногда!

– А что я могу сделать, – рассудительно отвечал Дима, – вон пусть с ней мама разбирается, я уже давно предлагал ее в багажник посадить. Она же не дает это сделать.

– Мяу-у! Только не в багажник, – взывала кошка, – там темно, воняет бензином и вообще – у меня клаустрофобия!

– Во-во, – мечтательно произнес Дима, – а еще можно стекло приоткрыть, сунуть туда ее голову и закрыть обратно. Она и вопить тогда не сможет и по машине метаться.

– Ну и гад же ты, Дима! – заверещала кошка. – Такое предлагать! Да у любого кота от этого истерика будет. Только попробуй, я тебя всего раздери на мелкие кусочки!

– А я все-таки попробую, ну-ка, иди сюда, котик мой ненаглядный, -передразнивая сестру, заодно воскликнул Дима.

– Помогите! Он мне голову оторвать хочет! – с этим воплем Боня бросилась папе в ноги, пытаясь спрятаться за педалями.

Большой толстый инспектор, похожий на окорок, с огромным любопытством наблюдал за машиной, которая ехала по пустому шоссе, виляя из стороны в сторону. Когда она подъехала поближе, он галантно взмахнул полосатой палкой, указывая на обочину.

– Ну вот! Доигрались! – проворчал папа, вылезая из машины и пытаясь скорчить любезную улыбку. Из салона доносились сдавленные кошачьи вопли и обрывки фраз: «Да закрой же дверь быстрее, а то она убежит... мы ее не поймаем... да не денется он никуда, он до смерти боится один на улицу выходить... меня сейчас стошнит – Мя-уууууу!»

Инспектор наблюдал за всем этим с нескрываемым интересом, а потом, поднеся полусогнутую руку к подбородку, скороговоркой произнес: «Инспектор Плинер – двести семьдесят пятой роты восемьсот сорок пятого полка девяносто первого отдела четвертого управления третьего округа – добро пожаловать! Что же это ты, дорогой товарищ, за руль выпимши садишься? Нехорошо!»

– Да не пил я ничего, – уверенно ответил папа, – на дачу с семьей еду.

– На дачу, значит, – ласково проговорил Плинер, – понятно, шашлык-башлык, вино-водочка, сейчас в трубочку дышать будем!

– Так вроде отменили все эти трубочки у вас, – засомневался папа.

– Как отменили, так и взад вернули, без них никуда, – грозно проговорил инспектор, подставляя красный мясистый пятак – у меня своя безотказная трубочка есть – нос называется, понял? А-ну, дыхни! А то сейчас быстро протокол составим.

Папа нехотя подчинился, а инспектор даже, похоже, слегка обиделся: «Ну это просто безобразие: все чисто... Но, значит, документы не в порядке!» – быстро добавил он.

– Товарищ Плинтус! У меня все нормально: и техосмотр, и страховка – все есть!

– Я Вам не Плинтус! Давайте сюда все! С этими словами он взял пачку документов и стал их тщательно рассматривать. «О! А говорили все есть – страховочки-то и нету!

– Как это, нету? – изумился папа, указывая на голубую бумажку, которую инспектор рассматривал с нескрываемым изумлением. – А это что?

– А что это, я не знаю, – рассмеялся Плинер, – может, ты мне объяснишь?

Папа удивленно уставился в бумагу, которая, судя по всему, еще недавно была его страховым полисом. Теперь же весь бланк был измазан большими синими кляксами и исписан непонятными каракулями. Пока папа пытался мысленно сопоставить вчерашнее происшествие с котом и покрывалом и свои документы, задняя дверца машины распахнулась, и из нее появился Дима, державший за шиворот внезапно замолчавшего кота.

– Господин инспектор, это гражданская ответственность нашего кота! Он у нас застрахован по полной программе, так что все нормально.

На этот раз ошарашен был инспектор, который за свою долгую жизнь первый раз столкнулся с такой ситуацией: «Но как же кот может быть застрахован на гражданскую ответственность? Ему же не положено за рулем сидеть, потому что у него прав нет!»

До этого молчавшая Боня неожиданно встрепенулась и сварливо проговорила: «Да, да, вот она – дискриминация, раз кот, значит, прав никаких нет, а у меня прадедушка из Германии, я в совет Европы на тебя жалобу напишу, у меня родственники в Британии, и прав побольше, чем у тебя будет. Это у тебя одни обязанности, а я свои права знаю!»

Повисла неловкая пауза. Все, включая инспектора, были настолько ошеломлены такой речью, что даже не знали, что делать. Наконец папа, пока инспектор окончательно не пришел в себя, спросил его осторожно: «Дети, понимаете ли, может мы поедem, а?»

– Ну ладно, езжайте, – возвращая документы, задумчиво пробормотал инспектор и добавил уже более грозно, – на первый раз прощаю, не нарушайте больше, счастливого пути, и коту своему скажите – будет много болтать, придется его задержать до выяснения обстоятельств и личности!

Глубоко под землей в сырой и темной пещере Крабожаба, Лапынь и мистер Гвинпин уже довольно долго не могли решить один очень важный вопрос.

– Я же говорю Вам, тупые недоноски, – горячился, размахивая лопатой и щелкая острым клювом, мистер Гвинпин, – что копать нужно в ту сторону, неужели так трудно это уяснить? Вы думаете, я под землей первый год живу? Да я здесь, как у себя дома ориентируюсь.

– Ну почему же в ту? – сомневался Лапынь, постукивая по камням всеми восемью когтистыми лапами. Я, например, прекрасно помню, что в самом начале мы рыли совсем в другую сторону. Просто у Крабожабы клешни кривые, вот она и завернула совсем не в ту сторону.

– Сам ты кривой, – вспылила Крабожаба, – копай куда хочешь, если такой умный!

– А причем здесь ум? Мы, пауки, всю жизнь под землей живем, не то что вы – болотные гады. Вон, посмотрите, какой тоннель вышел – закругляется непонятно куда и зачем. Так мы никогда на поверхность не выйдем. Нам совсем в другую сторону нужно!

– Ты знаешь, Лапынь, мы уже шесть выходов откопали, непонятно куда, сколько можно! Нам же нужен только один – в Анды!

– Это один, если в правильную сторону рыть, а если нет? – упирался паук.

– Мы так, знаешь, сколько еще тоннелей прокопать можем. Я бы не стал больше торопиться никуда, раз мы не уверены. Вот пусть Щекотило сам и разбирается. Я ему что ли нанимался? Сам пусть роет свои норы крысиные, если ему надо. А мне и так неплохо!

Тут мистер Гвинпин окончательно вышел из себя: «Ты знаешь, что бывает с теми, кто не выполняет распоряжений Щекотило? Он насылает на непослушных вечную щекотку, и те смеются, пока есть силы, несколько недель подряд. А когда силы кончаются, они умирают от смеха с кривой улыбкой на губах. Вот так вот... Я, кстати, могу прямо сейчас ему доложить, что вы хотите узнать, что это такое!»

– Да что ты, Гвинпинчик, – моментально вскочила Крабожаба, зажав в клешнях кирку.

– Мы же так пошутили. Просто отдохнуть сели. Ты скажи только, в какую сторону копать, мы мигом.

– Копать будем... туда! – мистер Гвинпин неожиданно показал совсем в другую сторону. Он, казалось, и сам уже давно не был уверен в правильности своего выбора, но вида не показывал.

Крабожаба послушно направила в указанном направлении и застучала киркой по каменному своду пещеры. Лапынь подхватил сразу две лопаты и тоже отправился в том же направлении.

– Ну вот, – самодовольно крикнул Гвинпин, – так бы сразу, сколько времени зря потратили. Самое главное: копать, копать и еще раз копать!

Над деревней Зенькино струился шашлычный дымок. Багровое солнце садилось за горизонт, мама расставляла на столе в беседке стаканы и тарелки, а папа орудовал возле мангала.

– Я в очередной раз спрашиваю, что все-таки произошло с моей страховкой? – обратился он к сидящей на заборе Боне. Ее бока и хвост сильно свисали вниз, отчего она напоминала средних размеров подушку, которую деревенские хозяйки обычно вывешивают на воздух – проветриться.

– А я – то здесь причем? – возмутилась кошка. – Я знать не знаю никакой страховки. Ты лучше вот у них спроси.

Она лениво вильнула хвостом в сторону Димы и Шуры, которые расположились на крыльце в ожидании сочного мяса, пропахшего дымом и свежим воздухом.

– А мы ничего не делали! – не сговариваясь, хором ответили дети.

Папа поднял шампур с ровными кусочками шашлыка, покрывшегося восхитительной золотистой корочкой, и, лукаво усмехаясь, сказал: «Да! Я, кстати, забыл сказать, что пока я не пойму, что все-таки произошло с моими документами, ужина не будет!»

– Мы так не договаривались! – Боня живо соскочила с забора и, подбежав к маме, начала усиленно тереться об ее ноги. – Нет, ты представляешь, они хотят оставить меня без ужина! Сколько же можно издеваться надо мной? Скажи ему, чтобы быстро наложил мне полную миску шашлыка!

– Боня, – удивилась мама, – ты же не ешь маринованное мясо!

– Кто? Я?! Очень даже ем! Это не сосиски, конечно, но уж лучше, чем ваши тухлые консервы!

– Между прочим, кот, ты вообще не хотел сюда ехать. Помнишь, какую истерику по дороге закатил?

– Это я не хотел?! Да очень даже хотел. Я дачу эту просто обожаю и этот ваш большой розовый домик для Барби тоже люблю, – невозмутимо продолжала Боня, по-прежнему упираясь в мамины ноги.

– А то, что в машине меня вырвало – так это папа во всем виноват, машину криво вел, вот меня и укачало! Растрясло! Не умеет он машину водить, вот бы лучше ты сидела за рулем, все спокойнее было бы, а то он дергает из стороны в сторону, ну ни минуты покоя. Ну, дай же мне побыстрее шашлычку! Так хочется, просто ужас!

– Это, Боня, не ко мне, – рассмеялась мама, – этим сегодня папа заведует, а я могу тебе, разве что, сухого корма насыпать. При слове «сухой корм» кошку всю передернуло, а шерсть на голове даже встала дыбом.

– Да вы что, сговорились что ли? Голодом меня морить. Буду я тебе эти сухашки жрать. Я тебе не Бобик подзаборный, чтобы желудок себе портить гадостью всякой.

Боня развернулась на сто восемьдесят градусов и направилась прямиком к крыльцу. Там она вскочила Шурочке на колени и ласковым голосом произнесла, бодаясь в подбородок: «Так, друзья мои, вы как хотите, а я голодной спать не собираюсь. Давайте выкладывайте быстро, что вы там со страховкой делали. Очень кушать хочется. Весь день без еды!»

Дима взглянул на Шуру и весьма доходчиво изложил ситуацию: «Понимаешь, папа! Ну, у кота же нашего не было страховки, вот мы и решили его застраховать. Мы же не знали, что тебя этот инспектор злобный остановит».

Боня ловко соскочила с шуриных колен и, обращаясь к папе, бегом подбежала к мангалу: «Ну, вот и все. Дело ясное. Вопрос закрыт. Давай же быстрее мне шашлыку, а то я сейчас с голоду умру!»

Сквозь оконные занавески виднелась полная луна. Она светила так ярко, что на небе совсем не было видно звезд. В доме стояла полная тишина. Только изредка слышался отдаленный гул редкой машины, проезжавшей далеко за полем. Неожиданно спокойствие дома было нарушено душераздирающим воплем. А вернее воплей было два. Сначала заорал кот, который со всего маху плюхнулся на Димину кровать и, почти упираясь мордой в лицо спящего мальчика, истерически заверещал: «Дима! Вставай же скорее. Караул! Живо! Сонная тетеря, что дрыхнешь, как сурок?!»

Потом уже закричал Дима, который преспокойно видел десятый сон, но вдруг был разбужен самым бесперемонным образом. «А-ааа! Что случилось? Кто это?» – вопил он, не понимая, что происходит, и на каком свете он вообще находится. Попутно он размахивал руками и случайно съездил коту по шее, который кубарем скатился с кровати и завыл на этот раз уже

от боли: «Да ты с ума что ли сошел?! Это же я, совсем обалдел, граблями своими так размахивать?!»

В этот момент в доме зажегся свет, и в комнату вбежали перепуганные родители: «Что случилось, дети? Боня! Почему ты так воешь? Что вы тут опять устроили?» Дима окончательно проснулся и понял, что это был всего лишь кот: «Уф, Боня, ну ты меня и перепугала, не думал, что тебе в голову придет так забавляться среди ночи».

– А ты думал, что это был Фредди Крюгер? – потягиваясь, расхохоталась Шурочка, ну ты, братец, отважный чувак – в десять лет кота собственного испугался до смерти!

– Ничего я не испугался, – смущенно оправдывался Дима, – просто неожиданно очень все получилось.

– Да уж – неожиданно, – поддакнул папа, – а что это, Боня, с тобой приключилось среди ночи, что за шутки?

– Ничего себе шутки, тоже мне умники нашлись. Да дайте же сказать коту, – торопливо выговорила Боня. – Вы все спите преспокойно и не замечаете, что к нам в дом кто-то залез. Понятно теперь? Нет, чтобы выслушать сначала, а то сразу по шее бить, тоже мне друг нашелся.

На какое-то мгновение в доме опять повисла леденящая тишина. Шура перестала смеяться, Дима натянул на нос одеяло, а мама начала озабоченно оглядываться по темным углам.

– Да ерунда все это, – уверенно разрулил напряженную ситуацию папа, – нет у нас никого в доме, все тихо, это тебе, кот, показалось, шашлыка объелся за ужином, вот тебя и глючит теперь.

– Конечно, котик, тебе все это приснилось, – осторожно предположила Шурочка.

– Ну, никакого уважения, – обиделся кот, – причем здесь шашлык, да и не ел я его совсем, так лизнул чуть-чуть для вкуса. Говорю же, я слышал, как по дому внизу кто-то бродил. Причем очень долго, в шкафах рылся, воду пил, еще что-то делал, ну, не знаю. Сами посмотрите.

– Ну, пошли, посмотрим, – с готовностью отозвался папа, – кто со мной? Но желающих пойти на поиски таинственного незнакомца не нашлось. Боня, сидевшая в самом центре комнаты на полу, только подытожила всеобщее мнение: «Ты, знаешь, сам сходи, а мы тут пока посидим. Нам не очень интересно, потом все расскажешь».

Папа спустился вниз по лестнице, зажег свет во всем доме и обошел его целиком, начиная с прихожей и заканчивая кухней. Он заглянул во все шкафы и даже в туалет, проверил за печкой и под кроватями, но так никого и не обнаружил. После тщательного осмотра он вернулся к своим и довольно произнес: «Все чисто! Отбой тревоги! Как я и говорил, никого нет. Тебе, Бонюшка, все пригрезилось, надо тебя на диету посадить. От этого, говорят, сон лучше становится».

– Ну и пожалуйста, – надулась кошка. Она с важным видом запрыгнула на кресло, прервавшись в большой пушистый серый шар.

В глубоком овраге возле небольшой речушки послышался непонятный звук. Птицы испуганно рванулись с высоких окрестных деревьев в разные стороны. Трава возле старого пня внезапно просела и провалилась вниз. В земле образовалась довольно широкая нора, шириной с обычный канализационный люк. Вначале из образовавшегося проема показалось странное существо с телом лягушки, надутыми щеками, выпученными глазами и мощными крабьими клешнями. Потом, держа две лопаты в двух парах передних лапах, показался огромный черный паук с маленькой головкой и острыми, как иголки, клыками. Они неуверенно огляделись по сторонам, словно понимая, что совершили какую-то ужасную ошибку, в смущении расступились, пропуская вперед то ли птицу без крыльев, то ли ящерицу с клювом, которая, нервно озираясь, выскочила из-под земли.

– Так-так-так! И где же это мы находимся? Хочу я вас спросить? – через мгновение проговорило отрывистым голосом это странное существо, – что-то я не скажу, что это на Анды похоже! А?!

– Да точно, Анды! – проквакала Крабожаба, трясаясь от страха.

– Вот и речка течет, ты же сам говорил, что нужно ориентироваться на шум воды.

– А я и не знаю, какие вообще эти Анды, – насупившись, прохрипел Лапынь, – по мне что Анды, что Пиренеи – никакой разницы!

– Зато я знаю, – в ярости завизжал мистер Гвинпин.

– Где горы? А? Горы где, я вас спрашиваю? Я знаю, что вы, тупицы бескровные, опять прокопали не туда. Вы же полные уроды! Ну сколько можно раз говорить, что копать нужно в правильном направлении! А вы что делаете? У меня уже никаких сил не осталось! Все быстро под землю и копать туда, куда надо! Это мое последнее предупреждение! Еще одна ошибка, и вы за все ответите перед Щекотило!

Лапынь и Крабожаба не заставили себя долго ждать. Они моментально покидали в нору лопаты и кирки и сами юркнули туда же. Мистер Гвинпин еще раз гневно оглядел заросший деревьями и кустарником овраг и последовал за ними.

Всю первую половину дня Шура пыталась научить Боню лазить по деревьям. Они занялись этим увлекательным делом сразу после завтрака, но отяжелевшая вдруг кошка до обеда делала вид, что не может понять, что от нее хотят. Шура поднимала ее высоко над землей и прикладывала лапами к стволу осины. Она надеялась, что кошка зацепится за ствол когтями и полезет дальше вверх. Ничуть не бывало. Кошка только поджимала лапы и не выпускала когти. Тогда Шура стала делать вид, что сейчас отпустит кота, и тот грохнется на землю, но и из этой затеи ничего не получилась. Боня лишь поворачивала голову и хитро шурилась, прекрасно понимая, что никто ее о землю швырять не будет.

– Бонечка, – ласково проговорила Шура, в очередной раз прижимая кота к осине, – ну полезай же ты наверх!

– Это еще зачем? – огрызнулась кошка. – Что я там не видела наверху, делать мне больше нечего.

– Ну, как же, Бонь, а вдруг опасность какая, а ты по деревьям лазать не умеешь. Так вот и пропадешь.

– Да все я умею, отстань ты от меня. Дай отдохнуть, а то совсем утомила.

Дима все это время качался на качелях и только посмеивался: «Ты, Боня, даже не представляешь, как тебе у нас хорошо живется. Только ешь и спишь. Вот даже на дерево залезть не хочешь. Я думаю, что если ты так себя плохо будешь вести, то мы тебя отдадим в кошачий цирк к Куклачеву, знаешь такого? У него коты такое вытворяют! Там ты быстро научишься и на задних лапах ходить, и на передних, и кульбиты всякие крутить, а по деревьям лазить вообще с полпинка будешь, там просто так еду не дают, там работать надо».

При этих словах Боню аж передернуло, но когти она все равно не выпустила: «Вот только не надо меня пугать. Так вам Мама и позволила со мной такое устроить!»

Шурочка еще некоторое время поупражнялась возле осины, но, устав окончательно, оставила кота в покое. Боня, пробурчав что-то вроде «давно бы так, а то все утро доставала, совсем утомила, всего хорошего», с победоносным видом разлеглась на травке. Обескураженная девочка подошла к брату и, всплеснув руками, спросила: «Ну, вот что с ней делать, как так можно?»

– Ты, Шурка, глупая девчонка! Ну, кто так кота учит по деревьям лазить? Плевать он на тебя хотел с твоей опасностью. Ты все неправильно делаешь. Вот я бы его за пять минут научил. Все ждал, когда ты с ним развлекаться закончишь.

– Да, конечно, научил бы, как же. Он такой упрямый. Его ничему невозможно научить, если он не хочет, – обидчиво ответила Шурочка.

– Ерунда! – уверенно проговорил Дима. – Видишь, он лежит под деревом и ничего не подозревает. Нужно его внезапно напугать как следует, чтобы у него душа в пяти ушла, и все – он моментом взлетит до самого верха, оглянуться не успеешь.

– Ух ты! Здорово, – восхитилась Шурочка, – а как мы его напугаем?

– Очень просто. Ты знаешь, что кошки очень боятся собак. Вон, видишь, у соседей на участке болонка такая кудрявая бегаёт, Бася зовут, кажется. Все время гавкает не по делу. Мы ее тихонько прямо перед Боней посадим. Она от неожиданности испугается и все, дело сделано, нужно только потом будет его как-то с вершины осины снять, но это дело десятое, есть захочет – сам слезет.

Шурочка не очень любила собак и потому опасливо спросила: «А эта собака нас не покусает? Как мы ее незаметно оттуда выманим?»

– Да ерунда все это! – воскликнул Дима. – Любая собака за колбасу душу продаст. Сейчас все сделаем.

Он быстро сбегал на кухню и незаметно достал из холодильника кусок копченой колбасы. Потом они вместе с Шурочкой порезали его перочинным ножом за домом и отправились на охоту за лохматой, как швабра, болонкой, которая, ничего не подозревая, спокойно прогуливалась по участку. Калитка была открыта, на участке больше никого не было, и Дима тихонько зашел на вражескую территорию. Бася насторожила уши, но не издала ни звука. У нее вообще не было привычки лаять, когда никого из своих людей не было поблизости. Она прекрасно понимала, что защитить ее в случае чего будет некому. Так зачем по шее просто так получать? Она разрывалась от лая исключительно, когда рядом были хозяева, которые могли оценить ее служебное рвение.

Дима подошел поближе и осторожно кинул собаке кусок колбасы. Болонка, не веря своему счастью, понюхала воздух и поняла, что это совсем не сон. Это была самая настоящая колбаса. Через пять минут они уже были с Димой лучшими друзьями.

Шурочка с замиранием сердца следила за тем, как Дима, скормив Басе остатки колбасы, аккуратно приподнял ее, тихонько поднес к березе и поставил на землю прямо перед спящей кошкой. Увидев ее, собака, не подумав хорошенько, залилась звонким лаем. Дима отбежал в сторону, а Боня подскочила на месте, не понимая, что происходит. Болонка решительно кинулась в сторону кошки. Правда, очень скоро выяснилось, что размерами она ее не превосходит, а скорее даже уступает. Наступательный энтузиазм болонки сразу резко поугас.

Боня тем временем страшно надулась, шерсть ее вздыбилась, и Басе показалось, что кошка вдруг оказалась в два раза больше. Собака обернулась и в ужасе обнаружила, что осталась один на один с этим мохнатым шипящим монстром. Дрожа и не зная, что делать, она повернулась и в тот же момент, только услышав: «Щ-щаас как дам по морде волосатой лапой!», получила по носу серию увесистых тумаков.

В тот же момент изумленные Шурочка с Димой увидели, как заскулившая болонка, поняв, что помочь ей некому, стрелой взлетела на самую верхушку осины.

– Ничего себе, – только и выдохнули они.

– А разве собаки лазают по деревьям? – удивленно спросила Шура брата.

– Как видишь, в минуту большой опасности все лазают, – философски ответил Дима, – как я тебе и говорил. Надо было притащить сторожевого Бима, который у дяди Вити живет.

– Ага, – радостно подтвердила Шурочка, – тогда бы мы все сейчас на дереве сидели.

Дети, – спросила мама, вынырнув из кустов смородины, – а где это у вас тут все собака лает? Что-то я забеспокоилась.

– Да все нормально, – самодовольно заявила Боня, – не переживай. Вон шавка какая-то на осине никак не уймется. Дима, неси скорее свой бумеранг, сейчас мы ее приведем в чувство, а то покою совсем не стало от этих собак. На минутку стоит прилечь, как обязательно какая-то над ухом сразу начнет брехать.

– Боня, что ты несешь, – произнесла мама, поднимая голову наверх, – собаки не умеют лазать по де...

Она осеклась на полуслове, потому что увидела, как на одной из верхних веток, расклевываясь от ветра, как праздничный флаг, жалобно выла лохматая болонка. Она держалась за нее всеми четырьмя лапами и тряслась от страха.

– Как же вы это ее туда посадили? – только и произнесла опешившая мама.

– И как мы теперь ее будем оттуда доставать?

– Вообще-то, ее можно и не доставать вовсе, – внес свое предложение Дима.

– Некоторые собаки в будках живут всю жизнь, а Бася будет на дереве. Как тот кот ученый, который в дупле жил, помнишь, Шурка, мы стихи читали про Лукавзморье.

– Дима, ну как можно такое даже представить? Как кот может в дупле жить, это тебе что белка что ли? – возмутилась Боня, до того с откровенным интересом наблюдавшая за акробатическими номерами, которые скулившая болонка выделяла на осине.

– Да мы читали, вы что, забыли все, – попытался поспорить Дима, но был безжалостно поправлен своей собственной кошкой.

– Кот там по цепи ходил, ясно? А то, что он в дупле или даже на дереве жил, там вообще нигде не сказано. У него работа такая была – по цепи ходить и истории всякие рассказывать, а как ночь наступала, он с цепи слезал и шел домой сосисками ужинать. А утром опять на цепь. Это был умнейший кот своего времени: сказки, песни, небылицы разные, ну и все такое. Между прочим, мой прапрапрадедушка...

– Боня, ты же говорила, что твои предки из Германии, – не сдавался Дима, а Шурочка между тем тоже попыталась поучаствовать в беседе.

– Да, да, а еще ты говорила, что они из Британии!

– Знаете, что, дорогие мои, – безапелляционно отрезала Боня, – у меня было очень и очень много разных родственников. И в Британии, и в Германии, и в Египте, да еще много где, и в этом самом Лукоморье, как ты, его, кстати, назвал, мой умнейший друг, тоже!

– Так! – прервала затянувшуюся дискуссию мама. – Про предков потом поговорим. Надо как-то снять эту бедную собачку с дерева, а то она может упасть. Что мы тогда ее хозяйке скажем? Вы пока посмотрите, чтобы с ней ничего не случилось, а я за папой схожу, может, он что-нибудь придумает. А то мне ничего в голову не приходит.

Боня самодовольно разлеглась на крыльце, искоса поглядывая на осину, возле которой, задрав головы вверх, стояли Шура и Дима.

– Ну я только одного не пойму, – лениво проговорила она, – и что вы с ней так носитесь? Подумаешь, высота-то! Один мой родственник с шестнадцатого этажа упал, и ничего, все нормально, лапы только растянул, а тут метров десять... Ничего с ней не будет! Вы бы попробовали ее просто стряхнуть. Раз – два, и готово!

– Я вот тоже, откровенно говоря, думаю, что ничего страшного с ней не произойдет, – согласился с котом Дима, – только трясти это дерево бесполезно. Оно и так от ветра сильно качается, а псина вон как в него вцепилась – не оторвешь. Но если подпилить его так, чтобы оно упало в ту сторону, он показал пальцем в направлении кустов возле забора, то она как раз и спланирует на них. Тогда с ней точно ничего страшного не произойдет.

– Отличная идея! – даже подскочила от радости Боня. – Беги же скорее за пилой! Вы меня с этой осинкой уже с утра достали. Сейчас мы разберемся с этим вопросом окончательно, пока родители не пришли.

– А может, не надо? – засомневалась Шурочка.

– Может, спасателей лучше вызвать? Надо позвонить 911!

Но Дима уже скрылся за домом в направлении сарая.

– Шурка, ну что ты всего боишься? Какие еще спасатели? Вот телевизора насмотрелась. Я, например, домашняя аристократическая кошка, а ничего не боюсь! Меня, как видишь, даже собаки боятся. А ты все ноешь, не надо... а вдруг... а может... Сейчас все сами быстренько сделаем получше всяких спасателей!

Шурочка не знала, что ответить кошке. Пока она размышляла, что бы такое убедительное ей сказать, из сарая вернулся братец Дима с большой двуручной пилой.

– Так, Шурик! Давай помогай мне быстро. Берешься за ручку и тянешь туда-сюда. Все понятно?

– Понятно, – пробормотала Шурочка, – нехотя берясь за ручку.

– Ну и отлично, – потянулась Боня, – а я буду вам командовать, чтобы дело быстрее пошло, надо заканчивать все это! Итак, поехали! Раз – два! Раз – два! Раз – Два!

Осина была не очень толстая, и дело пошло довольно быстро. Болонка, колыхаясь в такт их движениям, с ужасом смотрела, как брат с сестрой перепилили дерево почти у основания. Правда, Дима что-то напутал в расчетах, и когда они закончили, выяснилось, что дерево совсем не собирается падать в сторону кустов. Оно, напротив, начало с треском валиться совсем в другую сторону.

Папа с мамой появились в тот самый момент, когда разыгрался блистательный финал всей сцены. Шурочка стояла, закрыв от страха глаза ладонями. Дима, держа в руках огромную пилу, пытался понять, как же это он мог так ошибиться. Боня, вытаращив глаза и с восторгом наклонив голову, смотрела, как дерево медленно, как в кино, обрывая провода, повалилось на забор. Бася, визжа и размахивая лапами, плюхнулась прямо в канаву с грязной водой, которая проходила сразу за забором. Мама не успела даже вздохнуть, как собака уже вынырнула, смешно отфыркиваясь и отплеываясь. Яростно взбив воду, она попыталась выбраться на берег. А провода на столбе, тем временем, спутались в один большой жгут. По нему побежали веселые огоньки, и почти сразу же все вокруг озарилось яркой электрической вспышкой. Произошло короткое замыкание. Во всей деревне пропал свет, а через мгновение где-то вдали послышался треск, и потом в небо поднялся небольшой столб серого дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.